

М.А. ГЕРШЕНЗОН

НОВАЯ МОСКВА 1924

Т. Ступ Александрович

Р. А. Х. Н.

КОМНАТА _____

ШКАФ 89-3.

ПОЛКА _____

№ 18151.

В

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Г 421
М. А. ГЕРШЕНЗОН

Г 421

РЫБКИ-СПОРЩИЦЫ

СКАЗКА

„НОВАЯ МОСКВА“

1924

У

И

Отпечатано в типографии
„Искра Революции“
(быв. 7-я), Мосполиграф,
Москва, Филипповский, 11,
в количестве 3.000 экз.
Мосгублит № 14920.

~~4027~~

1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ
ДЕТГИЗА~~

~~БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ДЕТСКОГО~~

~~38575
124669-40~~

664024 КХ рег оц,
Российская государственная
детская библиотека

Глубоко, глубоко,
там, куда едва дохо-
дит бледный синий
свет, в дне морском
есть трещина.

Самые старые ры-
бы—даже скат Длин-
нохвост, даже мохна-
тый морской конек Вековик, и те не пом-
нят, когда расселось в этом месте морское

дно. Только краб Лупоглаз, самый старый из всех жителей моря, помнит, как рассказывала ему в детстве его пра-пра-пра-прабабушка, что когда-то вдруг задрожало морское дно: и скалы треснули, и вода стала горячей-прегорячей. И за то, что краб Лупоглаз помнит это, ему от всех морских рыб, — почет и уважение, и даровой стол. Старик Лупоглаз непроворен и очень слаб, охотиться ему не под силу, да и не пристало. Вот его морской народ и кормит.

У этой самой трещины жили две соседки: рыбка Скользушка, белая, серебряная, с синею рябью на спинке, и золотая рыбка — Блестушка. Жили Скользушка и Блестушка между собою дружнехонько, — всему дну морскому на удивленье. Никогда не было того, чтобы Скользушка обижала Блестушку, — а была она больше и сильнее. А Блестушка, хоть была большой болтуньей и сплетницей, про Скользушку ни разу слова дурного не вымолвила: — всякая рыбка это подтвердить может.

Так-то они и жили — душа в душу.

Иной раз зачесется у Скользушки затылок, а достать нельзя, как ни вертись. Сей-

час она из своей норки — юрк, да в норку к Блестушке — шасть!

— Почеши мне, Блестушка, затылок: — страсть, как чешется!

Ну, Блестушка и выручит соседку из беды. А другой раз — изловит Блестушка слизняка, жирного да мягкого, тотчас из своей норки — шасть, да к Скользушке — юрк.

Водой не разольешь — такие были приятельницы!

Да только раз случилось им поспорить. Приплыла Блестушка с морского берега, да прямо к своей приятельнице — шасть!

— Милая моя, говорит, если бы ты знала, как на морском берегу хорошо, да как чудесно! Ходят там по берегу люди, веерами обмахиваются, и платья у них длинные - предлинные, красивые - раскрасивые, точно небо перед вечером! И глаза у них маленькие, щелками наискось в лице прорезаны; лица у них желтые и ножки крохотные. И целый день они по берегу прогуливаются, веерами обмахиваются, апельсинчики и мандаринчики едят!

— Ну, что ты, Блестушка! Я к морскому берегу не раз плавала, но того, про что

ты рассказываешь, — не видала, в полглаза не видала, право! Ты, видно, шутишь, Блестушка!

— Да нет, не шучу, Скользушка, я истинную правду говорю!

— Постыдись, голубушка, сказала Скользушка, — постыдись, милая. Я не раз у самого берега бывала, до пресной воды доходила, щуку видала. Я знаю, что на берегу делается. Живут там люди плохо и глаза у них вовсе не косые; одеты они в рваное да заплатажное платье, и стоят они с утра до ночи, согнувшись; там, где пресная вода начинается, — стирают белье, и вальками выколачивают. А вечером спины разогнуть не могут, все охают.

— Не гнутся они и не стирают, а только тонкими голосами песни поют! И глаза у них — косые-прекосые!

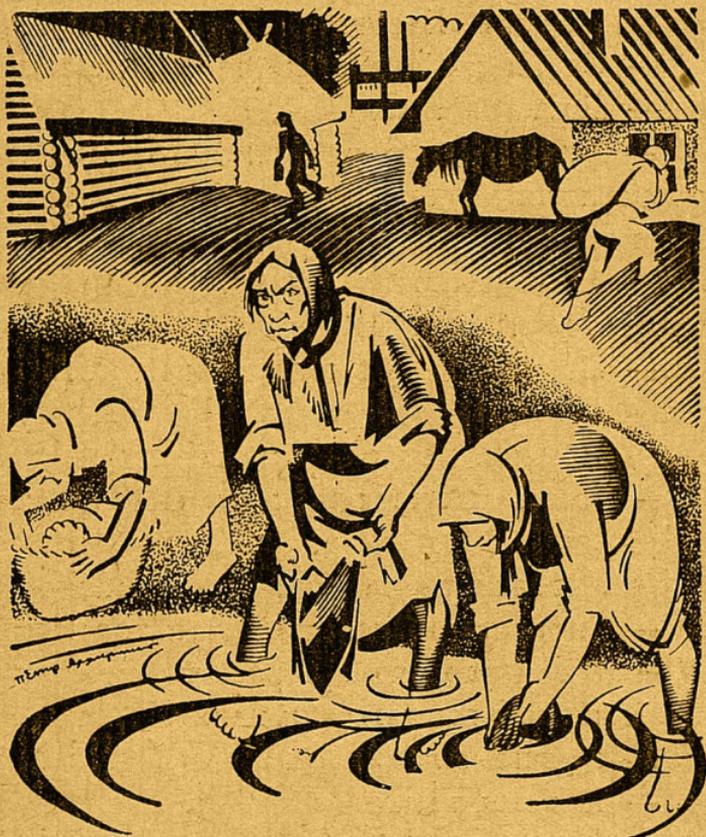
— Ну, брось ты болтать, болтушка!

— Ничуть я не болтушка!

— Нет, болтушка, и все выдумала, для красного словца выдумала!

— Нет, не выдумала, сама ты выдумала!

Тут-то они и разругались, а, разругавшись, поссорились. Блестушка из норки

Скользушкиной — шась, да в свою — юрк!
Забилась в норку поглубже, надулась и сидит.

А Скользушка в свою норку поглубже
забилась, надулась и тоже сидит.

Так они, наверно, полчаса просидели.
А потом разом из своих норок — шась!
и говорят:

— Слушай, Блестушка!
— Слушай, Скользушка!
— Будет нам ссориться!
— Будет нам ссориться! Я говорю, что у людей на берегу глаза косые, и живут они хорошо.

— А я—что ничуть у них глаза не косые, и живется им ничуть не хорошо.

— Пойдем к Лупоглазу, он скажет, чья правда

— Пойдем, пойдем скорее.

— Юрк, шась! юрк, юрк, юрк! шась, шась, шась!

— Здравствуй, дедушка Лупоглаз!

— Здравствуй, дедушка Лупоглаз!

— Кхо—кхо—кхо! Здравствуйте, внучки. Чего это вы так запыхались?

— Мы пришли...

— Мы пришли...

— Спросить тебя...

— Спросить тебя...

— Кто...

— Кто...

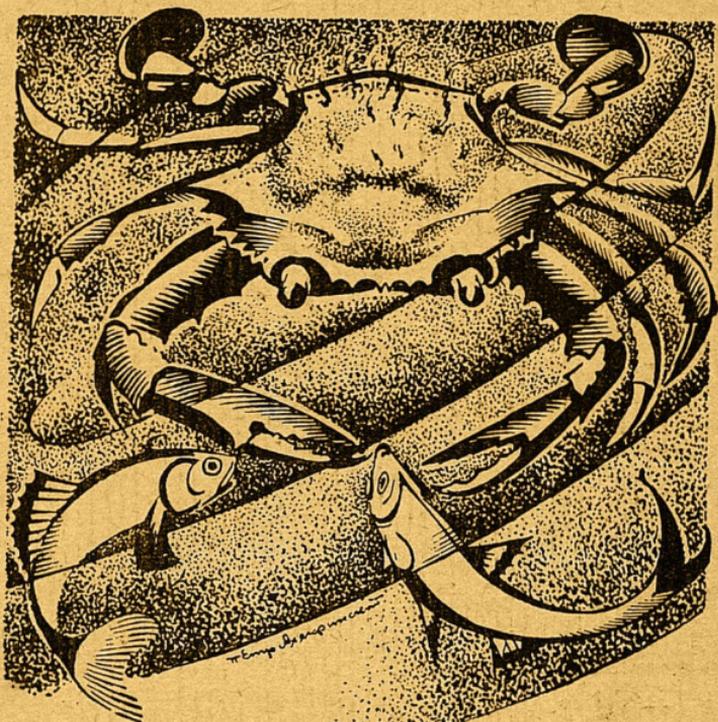
— Из нас...

— Из нас ..

— Го...

-
- Го...
- Ворит...
- Ворит...
- Пра...
- Правду!
- Да не сразу же, детки, — эдак я ничего не пойму!
- Я говорю...
- Я говорю...
- У людей на берегу...
- Регу...
- Глаза...
- Глаза...
- Косые...
- Ничуть не косые, дедушка Лупоглаз!
- И я говорю...
- И я говорю...
- Что они песни поют...
- А я, что ничуть, дедушка Лупоглаз, ничуть, дедушка Лупоглаз, — что они с утра до ночи...
- Поют, дедушка...
- Нет не поют, а стирают белье и вальками...
- Обмахиваются...
- Колотят...

- Веерочками!
- Так вот, рассуди, дедушка Лупоглаз...
- Так вот, рассуди, дедушка Лупоглаз...
- Кто из нас...
- Кто из нас ..
- Прав!
- Уф! уморили, разбойницы. Насилу понял вас. Нужно будет вам еще раз свои-

ми глазами поглядеть. Я хоть и стар, а на берегу никогда не был: — мне плавать не приходится, а итти далеко. Иди-ко ты сюда, внучка!

Блестушка подошла к нему и он сказал ей:

— Я вот тебя сейчас раскручу и брошу. И куда брошу, туда и пльви, пока на берег не наткнешься. А как на берег наткнешься, ухватись зубами за хвост и лежи тихо, будто мертвая.

Тут взял Лупоглаз Блестушку за хвост, раскрутил, раскрутил, — да как швырнет влево! — фррр! — только пузырьки побежали.

— А ты, говорит, Скользушка, как на берег наткнешься, плавники потесней к телу прижми, вытянись, да тоже, будто мертвая, лежи.

Раскрутил Лупоглаз Скользушку и бросил вправо

Фррр! — пузырьки пошли.

Фрр! Фрр! Юрк, юрк, шась! юрк, юрк, шась! юрк, юрк! Плыла Скользушка, плыла, плыла, — день ли, два ли, три ли, — вдруг светлеть стало, светлеть и светлеть, вода слаще да слаще, а там — тук! —

носом в берег ткнулась. А как в берег ткнулась, науку деда Лупоглаза вспомнила: плавники к телу поплотнее прижала и вытянулась, точно мертвая; ни дать, ни

взять, — мыла кусок, белый с синими прожилками.

— Глядь, Парашка, твой кусок мыла в воде, что ли? спросила Матрена. А Матрена была солдатской вдовой, бедной-пребедной, и с утра до ночи на людей белье стирала, вальком выколачивала.

— Нет, не мой, отвечала Парашка: у меня мыло желтое—в кооперации куплено.

— Стало, мой: я желтого не уважаю, у меня всегда мраморное. Да только как это я упустила его, и не заметила? Оно, кажись, на песку лежало.

Поглядела Матрена на берег; ее куска нет. Выловила она тогда Скользушку из воды, белье выжала чуть не до-суха, уложила и пошла домой. А Скользушка в корзине лежит, не шевелится, только сердце ёкает: ёк ёк, ёк-ёк! Так и колотится: ёк-ёк, ёк-ёк!

Блестушка, как дед Лупоглаз из клешни ее выпустил, тоже скользнула стрелкой прочь, и поплыла — шась, шась! юрк, юрк! шась, юрк... День ли, два ли, три ли плыла,—наткнулась на берег, колечком свернулась, зубами за хвост ухватилась, лежит точно мертвая.

А по берегу китайская принцесса Кьяхта прогуливалась, глазками-щелочками вкось поглядывала, шелковым веером обмахивалась. Ножки были у нее махонькие-махонь-

кие, и ходить ей было трудно: пройдет шага три, и на цветной коврик ляжет да полежит, а там снова встанет, шага три пройдет, веером обмахнется, да снова ляжет.

— Гляди, Чьяхта, — сказала она своей подруге, что рядом с ней на коврике лежала, — гляди, море-то нам принесло колечко! Золотое, на золотую рыбку похоже!

Тут волна Блестушку подхватила, да на песок выбросила, и покатилась Блестушка колечком прямехонько к ногам принцессы Кьяхты. Принцесса Кьяхта колечко на свой пальчик надела, с принцессою Чьяхтою попрощалась, и приказала слугам нести себя домой.

— Славное колечко, совсем похоже на рыбку, думала принцесса Кьяхта, — даже из камешка глазок вставлен: так и кажется, что глядит рыбка.

А Блестушка-то и вправду глядела.

Ночь прошла и настало утро. Матрена снова на берег белье стирать пришла; да Скользушка, только воды коснулась, — юрк! у Матрены из рук выскользнула.

— Тьфу ты пропасть! Который раз мыло теряю! выругалась Матрена, стала шарить в воде, но не нашла Скользушки.

А принцесса Кьяхта на берег пришла, ей на руку муха села; она муху стряхнуть хотела и рукой махнула. Колечко с паль-

чика принцессиноного слетело, да в волю.
И поплыла Блестушка назад домой изо всех сил: юрк, шасьт, чирк, юрк! шасьт, чирк!

Плыла и плыла.

А Скользушка тоже домой плывет:
юрк, шасьт, чирк! юрк, шасьт, чирк!

— Здравствуй, дедушка Лупоглаз!

— Здравствуй, дедушка Лупоглаз!

— Я была на берегу!

— Я была на берегу!

Затараторили разом Скользушка с Блестушкой.

— И ничуть там у людей не косые глаза.

— Косые, косые глаза, дедушка Лупоглаз! И они поют песни, и дома у них всюду золото и белая кость!

— Ничуть у них дома не поют песни, и нет у них ни золота, ни белой кости! Они гнутя с утра до ночи, и им есть нечего...

— Неправда, дедушка Лупоглаз, они едят ласточкины гнезда и у них очень красивые платья,— совсем, как моя чешуя! Я сама видала...

— Нет, я видала! Я говорю правду, дедушка!

— Я—правду!

- Она — неправду!
— Я — правду!
— Она — неправду!
— Неправду, правду!

Старый краб Лупоглаз схватился всеми своими лапами за голову. Потом он схватил Блестушку, раскрутил ее и бросил вправо, схватил Скользушку, раскрутил и бросил влево.

— Хорошо, когда море тихо и никто не кричит тебе в уши, подумал старик Лупоглаз. — Дай ко, сосну.

Он забрался поглубже в трещину, накрыл клешнями голову, чтобы свет не мешал, и тут же задремал.

На этот раз, как и прежде, Скользушка, едва коснулась берега, вытянулась, прижала к телу плавники и стала, как две капли воды, похожа на кусок мыла.

А на берегу на корточках сидела Тайпингва и стирала белье. Тайпингве было очень трудно работать, потому что она уже второй день ничего не ела: голова у ней кружилась и она очень боялась упасть в воду.

Скользушка никогда не видала, чтобы у человека было такое желтое лицо и такие

664024

17

Российская государственная
детская библиотека

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА КУЛЬТУРЫ
ДЕТГИЗА~~

косые глаза. Но Тайпингва стирала белье точно так же, как Матрена, и так же не могла разогнуться сразу, когда кончила работать, и так же зашаталась, когда подняла тяжелую корзину с бельем.

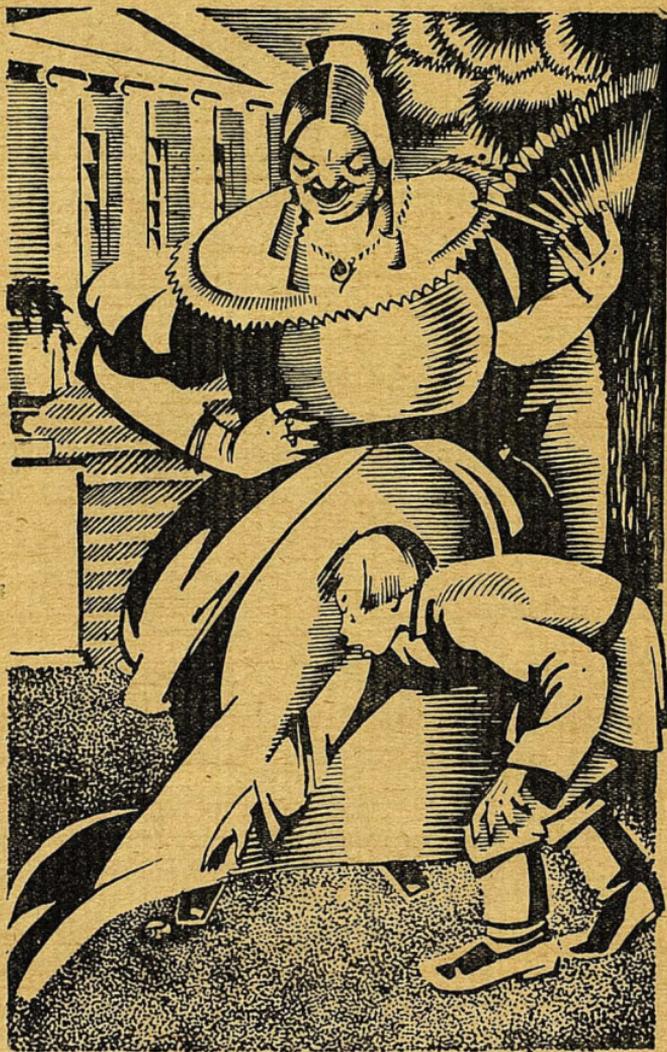
— Море Тайпингву пожалело. Море подарило Тайпингве кусок мыла. Очень хорошее мыло, дети, очень хорошее мыло! У меня теперь на три стирки мыла хватит! Радовалась прачка, придя домой. Дети тоже очень рады были: каждый потрогал Скользушку маленьким, желтеньким пальчиком и никто не заметил, что Скользушка — живая рыбка, а не мыло. И Скользушка лежала и глядела, глядела, глядела: ей было очень грустно... Она знала, что ей нужно будет удрать и Тайпингва останется без мыла.

Блестушка, между тем, ткнувшись о берег, скрутилась и стала — кольцо кольцом. Волна выбросила ее на сушу, и колечко покатилося по дорожке парка. Парк был густой и зеленый и подходил к самой воде.

Колечко катилось, катилось и подкатилось под ноги Марье Алексевне, богачихе-помещице.

— Ах, какое колечко! Гришка, подыми его, надень мне его на палец!

Марья Алексевна не могла нагнуться сама, потому что была очень тучной, очень дородной женщиной.

— Удивительное колечко! Золото-то, золото какое! Как жар горит! Ни дать, ни взять — рыбка золотая! Ай-да колечко! Как раз мне по пальцу! Марья Алексеевна залюбовалась Блестушкой и стала обмахиваться веером.

А на утро —

Фьют, фьют, шась! юрк, юрк, юрк, шась!
чирк, шась, шась, юрк, юрк!

— Спишь, дедушка Лупоглаз?

— Проснись, дедушка Лупоглаз!

— Я все видела!

— Я все знаю!

— Слушай, дедка!

— Слушай, дедка!

— Скользущка говорила...

— Блестушка говорила...

— Неправду!

— Неправду!

— Я видела...

— Я видела, плачут дети от голода, —
маленькие дети, дедушка Лупоглаз!

— У людей сколько угодно еды, дедка!
Они кормят собак пирожными!

— Они работают с утра, с утра до
ночи, дедушка!

— Они совсем не работают, только веером обмахиваются, дедушка Лупоглаз!

— И руки у них...

— И руки у них...

— Розовые, дедка...

— Как щетка, как терка, дедушка Лупоглаз! Но глаза у них, правда, косые...

— Ничуть не косые! правда, совсем не косые, дедушка...

— Дедушка Лупоглаз!

— Да отвяжитесь, болтуни! Совсем замучили, заговорили, замахал лапами старый краб.

Но рыбки не унимались.

— Как же, дедка?

— Как же, дедка?

— Кто из нас...

— Из нас...

— Прав?

— Прав?

— Скользущка и Блестушка так и не отвязались от дедушки Лупоглаза. Они вились вокруг него, докучали ему, донимали его до поздней ночи.

— И в самом деле: кто из них прав? думал дедушка Лупоглаз, кто из них прав?

Чуть настало утро, снова Скользушка и Блестушка тут как тут. Пристали, как пъявки.

— Идем, дедка, вместе на берег!

— Идем, дедка, вместе на берег!

— Посмотри-ка сам и рассуди нас!

— И рассуди нас!

— Куда мне, детки! Стар я, ноги не носят. Я во сто лет не доползу!

— Доползешь! Мы тебе поможем!

— Поможем!

— Стыдно ведь...

— Стыдно ведь тебе, дедушка Лупоглаз, не зная, что на морском берегу делается! Идем, дедушка Лупоглаз!

Приставали рыбки к деду не день и не два, не неделю и не месяц, — и добились своего. Решил дед Лупоглаз на морской берег идти, своими глазами на людей посмотреть.

Позвал он своего сына, Одноглаза, что был лет на триста его помоложе, и наказал:

— Ты, Одноглаз, на моем месте сиди, суд и расправу чини, жди моего возвращения. Иду я на морской берег, посмотреть, как там люди живут. Прощай, сынок!

Ну, Скользушка и Блестушка, идемте.
И пошли.

Юрк - шась! — шарк - шарк - шарк! юрк - шась! — шарк - шарк - шарк! юрк - шась! — шарк - шарк - шарк, шарк - шарк, шарк - шарк - шарк - шарк!

— Ох!

Шарк - шарк - шарк! юрк, шась! шарк - шарк - шарк, шарк - шарк - шарк!

Ох! Ох! Грехи наши тяжкие!

Шарк - шарк - шарк! юрк - шась! шарк - шарк - шарк!

— Давайте отдыхать, дедушка!

Хррр! Хррр... Хррр... Хррр...

— Полно спать, дедушка Лупоглаз! Уже давно день! Проснись, дедушка!

— И верно, ребяташки, день! О-хо-хо!

Шарк - шарк - шарк! юрк - шась! — чирк - чирк - чирк! юрк, - шась! шарк - шарк шарк!

— Уф!

Так полз дедушка Лупоглаз. А до берега — близко ли?

И не год, не два и не три полз дедушка Лупоглаз.

Ему то что? Ну, прибавится к его годам

еще сто лет, еще полтысячи. Он живет давно, ему неприметно.

А Скользушка и Блестушка — те постарели.

Выросли, большими стали, по шее морщины пошли; а характер все тот же: Блестушка болтать любит, а Скользушка резвится, точно маленькая.

Так и плывут за стариком, вокруг него вьются, где нужно, помогают ему. Ухватится он клешнями за два хвоста, а Блестушка со Скользушкой изо всех сил работают, плывут к морскому берегу... юрк-юрк, шась-шась! да только с ним, стариком, дело идет помедленней:

Ю-урк, ю-урк! ша-ась, ша-ась!

А потом устанут, на дно опустят его, и опять потихоньку пойдут:

Шарк-шарк - юрк - шась - шарк - шарк-шарк! Ох!

Ан, вот и берег. Да только тепер Скользушка за кусок мыла никак не сойдет: большая стала, добрый аршин. А Блестушке в колечко не свернуться: больно толста! Да и цветом на золото непохожа: побурела, посерела, вся в пятнах стала... старость — не радость!

Старик Лупоглаз тоже на берег выйти боится: очень уж велик он, — спина, что стол, — сразу заметят его, неровен час, убьют.

И решили они из воды не выходить, а только чуть-чуть головы высунуть, да издали на берег смотреть.

Так и сделали.

Лупоглаз на лапах привстал, из воды глаза вылупил и смотрит.

Блестушка на хвост стала, голову из воды высунула, плавниками помахивает и смотрит. Скользучка вокруг палки какой-то обвилась, нос из воды выставила и смотрит.

Бегают по берегу ребята, — иные одетые, иные голышом, и глаза у них ничуть не косые; только у одного мальченки косые были глаза, — да и то не оба, а всего один, и звали его Ванька Косой. Этот Ванька Косой был всех ребят атаманом.

— Глядите, ребята, как я поплыву-то! крикнул Ванька и поплыл вперед.

Хлюп, хлюп, хлюп, хлюп! заплыл Ванька на глубокое место и стал тонуть... буль — буль, -- пузырьки пускать.

Тут к нему старик Лупоглаз подоспел, потихоньку клешнями его обхватил, да из воды Ванькину голову выставил.

— Слушай, говорит Лупоглаз, что я тебе скажу.

Я тебя из беды вызволю, до берега дотащу.

А ты мне за то сослужи службу, расскажи, как людям на берегу живется.

Ванька был не трус, а перепугался не мало; да и воды соленой хлебнул порядочно.

Э-э-э-я се-э-э-йчас, дедушка. У-у нас всем людям хорошо живется, всем хлеба хватает.

— И никто, значит, у вас на берегу не работает?

— Да нет, чудище, все как есть работают, осмелел Ванька, — да только не до седьмого поту, а до первого.

— И не голодны, значит?

— Нет, зачем голодными быть? Едят у нас тоже до первого поту, не до седьмого, вот и хватает на всех. У нас теперь все поровну: ни богатых, ни бедных нет.

— И всегда-то у вас так было?

— Куда там всегда! Тятка говорит, что прежде у нас одни с голоду мерли, а дру-

гие в молоке купались. Ой, пусти, чудище! больно ты мне ногу прищемил, завопил Ванька Косой.

— Погоди, дружок, сказал Лупоглаз, ответь еще мне только: один ли ты на свете косой? говорят у нас на дне морском: есть берег, где все люди косые.

— Да то китайцы, ходи, что чесучу и веера продают! воскликнул Ванька. А что у меня глаз косой, так это от несчастного случая.

Зашевелил тут дед Лупоглаз всеми своими лапами и доставил Ваньку на берег.

— Я, братцы, чуть не утонул нынче, да меня бо-ольшущий краб спас!

— Вот уж, рассказывай! Не поверили ему ребята. Вечно чего-нибудь выдумает.

Скользушка и Блестушка Ванькин рассказ слушали-слушали и диву давались.

— Ну и перемены на берегу, ну и перемены!

Прошлый раз, как я здесь была, видала, как люди с голоду пальцы грызут, сказала Скользушка.

— А я видала, как люди через силу едят, а, поевши, дышать не могут, сказала Блестушка.

— Ничего то вы тогда не поняли. Видно, каждая из вас одним глазом смотрела, — напустился Лупоглаз на подружек.

Поплыли тут друзья в Китайское море, к Китайскому берегу.

Юрк, шась! шарк, шарк! уф, ух, юрк, шась! шарк, шарк, шарк! уф, ух!

Лупоглаз из воды глаза вылупил и смотрит.

Блестушка на хвост стала, плавниками помахивает и смотрит.

Скользушка вокруг палки какой-то обвилась, нос из воды выставила и смотрит.

Ходит по берегу мандаринова жена Чунг-га, розовым веером помахивает, взад-вперед косыми глазенками поглядывает. А платье на ней шелковое, разноцветное; под ногами у нее ковер расстелен, точно радуга, над головою — палатка-балдахин, чтобы солнце не жгло.

А от нее в тридцати шагах каменщик Фу-ти камень ломает, стену строит, Чунг-ге берег отгораживает. Лицо у Фу-ти желтое, в морщинах и в пыли, а балахон на нем рваный: одни лохмотья, весь из дырок сшит. Солнце печет, а Фу-ти камень лома-

ет, и льется с Фу-ти пот градом, все лохмотья промокли и к телу прилипли.

— Видишь, дедушка Лупоглаз, я правду говорила!

— Видишь, дедушка Лупоглаз, я правду говорила — сразу сказали Блестушка и Скользушка.

— Правду, правду! Каждая из вас полправды видела. А вся-то правда хуже всякой неправды. Виданное ли это дело, чтобы один камень ломал, а другой смотрел да веером обмахивался? Да у нас в море такого бездельника на куски бы разорвали и куски из моря повыбросили!

Правда у нас в море, да на Ванькином берегу.

А здесь, видно, правды еще не поняли.

Нехорошо здесь, ребяташки, нехорошо. Ну, да, авось, поймут.

Дед Лупоглаз лапами стал грести, Блестушка хвостом вильнула, Скользушка плавником плеснула и поплыли друзья на дно моря, глубоко, глубоко, — туда, где со стародавних времен в дне морском трещина.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р., К. и К. Д.
„НОВАЯ МОСКВА“.

МОСКВА А, Неглинный проезд, 9.
Телефон 69-26.

||| ЛЕНИНГРАД, Пр. Володарского
(б. Литейный), 53.

ДЛЯ ДЕТЕЙ и ЮНОШЕСТВА.

1. А. Анненская.—Фригтоф Нансен и его путешествия в Гренландию и к северному полюсу. С рис. 275 стр. Ц. 1 р. 50 к. Распродано.
2. Мунд-Покгамер.—Приключения барона Мюнхгаузена. С рис. 228 стр. Ц. 75 к.
3. Насимович.—Конь-Огонь, с рис. А. Баранского. 107 стр. Цена 50 к.
4. Додж М.—Серебряные коньки. Повесть. Перевод с английского С. Г. Займовского. С рис. 348 стр. 1 р. 50 к.
5. Рони Ж.—Вамирэх. Человек каменного века. Роман. С рис. худ. Прокофьева. 200 стр. Ц. 60 к.
6. Аптаев и Феличе.—В великую бурю. 274 стр. Ц. 1 р.
7. Фитч Пежинс. Минни и Монни. Повесть из жизни эскимосов. 96 стр. 2-е изд. Ц. 90 к.
8. Его же.—Маленькие японцы. 80 стр. Ц. 50 к. Распродано.
9. Д'Эрвилли.—Приключения доисторического мальчика. 96 стр. Цена 60 к. Распродано.
10. Сказки Муллы Ирамэ.—Вольный перевод с персидского. С рис. худ. Попова. 97 стр. Цена 75 к.
11. Сетон Томсон.—Юные дикари. Жизнь и приключения двух мальчиков в Канадских лесах. С рис автора. Перев. с англ. Л. А. Мурахиной-Аксеновой. 620 стр. Цена 3 руб.
12. Киплинг.—Человек-волк. Пер. Михайловой-Штерн. С рис. худ. Артемьева. 276 стр. Цена 1 руб. 75 к.
13. Рони.—Борьба за огонь. С рис. Вышеславцева. Ц. 1 р. 50 к.
14. Галицкий.—Дед-электрик. Производственная сказка. Ц. 70 к.
15. М. Свентицкая.—Сказки и рассказы детского сада. (Материалы для рассказывателя). Сборник 1-й, для детей 4-5 лет. 124 стр. Ц. 80 к. Сборник 2-й. Цена 1 руб. 50 коп.
16. Кузнецова, М.—Гринька и Гранька. Рассказ из жизни птиц. С рис. Ц. 65 к.
17. Амундсен.—Завоевание Южного полюса. Перевод Е. В. Александровой, с многочисленными иллюстрациями.
18. Смирнов и Чинаговы.—Как люди ездят. Производственная сказка. Печ. Андерсен. Сборник сказок в одном томе. Цена 4 руб.
" Снежная королева. Цена 60 коп., в папке 95 коп.
" Огниво. Цена 60 коп. " " "
" Оле Лукояе. Цена 60 коп. " " "
" Калоши счастья. Цена 60 коп. " " "
" Прыгуны. Цена 60 коп. " " "
" Последний сон старого дуба. Цена 70 коп., в папке 1 руб. 5 к.

С заказами и требованиями обращаться в книжные магазины Московского Совета.

- 1) Центральный склад. Кузнецкий Мост., № 1.
- 2) Книжный магазин № 1 Кузнецкий Мост, № 1.
- 3) " " № 2 (б. Суворина). Неглинный проезд, д. № 9.
- 4) " " № 3 (б. Карбасникова), Моховая, д. № 24.
- 5) " " № 4 Арбат, д. № 4.
- 6) Магазин № 5 „Красные Вскходы“. Тверская, д. № 66.
- 7) П/Отд. Театральной литературы. Тверская, д. № 19.

2^м из

6

120 =

Цена 30 коп.